

Подняв трубку, Чжун И даже не успел произнести «алло», как услышал, как Цзян Додо на том конце провода тяжело вздохнул:

— Наконец-то ты ответил! Ты же обещал сообщить мне, учитель Чжун!!!

Чжун И рассмеялся, включил громкую связь и начал накидывать на себя халат:

— Я ведь тоже решил это спонтанно. Как раз собирался тебе сообщить, а ты сам нашел.

Цзян Додо, получив подтверждение своим опасениям, был в отчаянии:

— ...Ты серьезно?

— Ему уже двадцать восемь, возраст не маленький. Видишь, как наш декан Цзян переживает.

— Чжун И, завязав пояс халата, взял телефон и вышел из комнаты, улыбаясь. — Я тут совершенно ни при чем. Это он сам начал меня заигрывать.

Цзян Додо:

— ?

— ...Учитель Чжун, что ты говоришь? Я ведь знаю, как выглядит капуста на моем огороде. Этот деревянный чурбан разве способен на такие вещи? — Цзян Додо на том конце провода был так взволнован, что, казалось, вот-вот вырвет себе волосы. — Нельзя же так сваливать ответственность.

Чжун И вошел в комнату, собираясь сказать, что если не веришь, спроси его самого, но увидел, что главный герой их разговора уже лежит на кровати, повернувшись на бок, и спит.

Чжун И молча проглотил слова, которые уже готов был произнести, выключил громкую связь и сказал:

— Ладно, декан Цзян, ты еще не спишь? Успокойся, я тоже собираюсь спать.

Сказав это, Чжун И повесил трубку, не оставив Цзян Додо ни малейшего шанса.

Цзян Додо:

— ?

Как он может успокоиться, если они уже собираются спать, о боже!!!

И в ту ночь, сколько бы он ни звонил, он больше не смог дозвониться до Чжун И...

Вечер на стыке весны и лета был все еще прохладным. Закончив разговор, Чжун И первым делом закрыл оба окна, босиком ступая по мягкому ковру, не издавая ни звука. Мужчина на кровати спал спокойно, даже не сняв одежду, его лицо наполовину утопало в одеяле, а лунный свет освещал его глубокие черты.

Подойдя к кровати, Чжун И долго смотрел на него, испытывая смесь досады и смеха. Ведь это он сам хотел этого, но в самый ответственный момент уснул. Неизвестно, пожалеет ли он об этом, когда проснется.

Это был первый раз, когда кто-то уснул на его кровати раньше него, да еще и при полном

бездействии.

Чжун И смотрел на покрасневшие уши Чжан Синчжи, его лицо было горячим на ощупь. Даже когда его раздели до нижнего белья, он продолжал спать без сознания. Действительно... Непонятно, что думал этот дурак, выпив столько за него.

В первые годы работы продюсером он часто пил до четырех-пяти утра, а потом Лян Сыли сразу вез его в больницу. За неделю он почти не бывал дома.

Не бывает врожденной способности пить, все приходит с опытом.

Чжан Синчжи не проспал до утра, его разбудила сухость в горле всего через несколько часов.

Проснувшись, он увидел, что рядом никого нет. На аккуратной кровати остались только следы его самого, кроме одеяла и одежды, снятой и повешенной на спинку стула, в комнате не было ни малейшего намека на присутствие другого человека.

На экране телефона время показывало ровно час ночи. Когда Чжан Синчжи уже подумал, что Чжун И бросил его здесь, он надел брюки, открыл дверь и почувствовал насыщенный аромат кофе, заполняющий гостиную. Подняв взгляд, он увидел, что тот стоит за барной стойкой... готовит кофе?

Чжун И был в халате, его взгляд был сосредоточен на оборудовании перед ним. В руке он держал изящный кофейник с длинным носиком, равномерно вращая его над фильтром, наполненным кофейной гущей, совершенно не замечая человека, который уже подошел к нему сзади.

Чжан Синчжи молчал, просто стоял рядом с Чжун И в квадрате лунного света, пробивающегося через окно, наблюдая за его длинной и белой шеей, за распущенными черными волосами, за его рукой, выглядывающей из халата, и за дрожащей рукой, держащей кофейник.

На самом деле, в приготовлении кофе «равномерность» — это основа.

При заливке воды в кофейную гущу, поток должен быть равномерным; при замачивании, контакт воды и кофе должен быть равномерным; при вращении, скорость должна быть равномерной. Нужно мягко подавать воду, и все, что касается контакта кофе и воды, должно быть равномерным.

На этот раз Чжун И не злился на свою дрожь, спокойно готовясь вылить кофе из фильтра в ведро для отходов и начать новую порцию.

Но только он взял кофе, как его остановил низкий мужской голос, раздавшийся сзади:

— Почему ты готовишь, но не пьешь, а все выливаешь?

Тут Чжан Синчжи заметил, что в ведре уже было немало кофе, и большая часть аромата в гостиной исходила именно оттуда.

Услышав это, Чжун И на мгновение замер, затем спокойно ответил:

— Просто боюсь не уснуть.

Ложь.

— Тогда я выпью. — Чжан Синчжи протянул руку, чтобы взять кофейную чашку, но, как и ожидалось, Чжун И отказал. — Не пей, у меня руки дрожат, невкусно.

Сказав это, Чжун И вылил кофе в ведро и начал новую порцию помола кофейных зерен, пытаясь сменить тему. Но, неожиданно обернувшись, он застыл при виде мужчины за спиной:

— Ты уже проснулся...?

В лунном свете перед его глазами предстали четкие и красивые линии мышц мужчины, без излишеств, но и без недостатков.

Если не считать первого раза, Чжун И только несколько часов назад раздевал этого человека, но при таком близком рассмотрении все равно хотелось похвалить, особенно его линию живота, скрытую под джинсами...

«Если человек — это визуальное животное, то ты — инфузория эстетики», — мысленно посмеялся над собой Чжун И, поворачиваясь обратно.

Чжан Синчжи спокойно наблюдал, как он повторяет все шаги, а затем снова берет кофейник.

Когда Чжун И уже почувствовал, что его рука снова дрожит, в поле зрения внезапно появилась большая ладонь, которая, прежде чем он успел среагировать, взяла его руку и помогла ему завершить вращение, тепло и мягко, спрашивая, почему его рука такая холодная.

Чжун И не ответил.

Когда он, наконец, поставил кофейник, Чжан Синчжи спросил у него на ухо:

— Так правильно?

Взгляд Чжун И все еще был прикован к большой руке, которая не отпускала его. Он уже собирался сказать «да», как услышал следующий вопрос:

— Можно я обниму тебя...

Но, по сути, Чжан Синчжи просто уведомил, не ожидая ответа. Сказав это, он прижал свою грудь к тонкой спине человека перед ним, слегка обнял его за талию и крепко прижал к себе, словно боясь, что он убежит, не отпуская его правую руку.

Чувствуя, как Чжан Синчжи низко склонился к его шее, его дыхание горячее и влажное, пустая спина внезапно обрела опору. Тело невольно впитывало тепло другого человека. Чжун И сам не мог понять, почему его сердце вдруг смягчилось. Уже давно никто не осмеливался обнять его так сильно...

— Ян Юань сказал, что ты занимаешься спортом в офисе. Ты действительно занимаешься? Ты слишком худой... — Сказав это, Чжан Синчжи с удовлетворением поцеловал след от поцелуя на его шее и спросил. — Почему в последние дни его не было, а сегодня вдруг появился?

Хотя он стал намного бледнее, чем в первый день, он все еще был заметен.

Чжун И несколько раз открывал рот, прежде чем нашел свой голос, слегка опустив веки и хрипло сказал:

— Не могу же я действительно носить шарф. Разве учитель Чжан не знает, что есть такая

штука, как консилер?

Едва он закончил, как Чжан Синчжи сказал:

— Я хочу, чтобы он оставался на твоём теле подольше. Можно?

Услышав это, Чжун И подумал, что, независимо от того, что он скажет, он все равно сделает это. Но на этот раз Чжан Синчжи был сдержан, как будто не собирался действовать, не получив ответа, и снова спросил:

— Можно?

После долгого молчания Чжун И вдруг рассмеялся. Он обнял руку на своей талии, повернулся и, опираясь в грудь, посмотрел в глаза человека перед ним, полные смеха:

— Кто это говорил, что наш учитель Чжан — деревянный чурбан? Уровень у тебя довольно высокий.

На этот раз Чжан Синчжи увидел, что даже если следы на шее исчезли, на теле они все еще остались, все они были спрятаны в белом халате человека перед ним.

Но он все равно сказал те же три слова:

— Можно?

<http://bllate.org/book/16822/1546585>